

Хэ Наньфэн ни в чем не преувеличил: когда он возвысил Вань Шуэр из простых наложниц до законной супруги, это действительно вызвало бурю пересудов.

Основатель нынешней династии, император Тай-цзу, до своего восхождения был бастардом рода Пэй из Лолина. Мало того что он был рожден вне брака, так еще и его матерью была рабыня из самого презируемого сословия — «цзяньце», которую хозяин волен был продать в любой момент. В юности Тай-цзу натерпелся из-за этого немало унижений.

Однако в эпоху междоусобиц Тай-цзу сумел объединить Поднебесную и заложить фундамент империи Пэй на века. Став императором, он, вопреки протестам двора, посмертно провозгласил свою мать, чьего имени история даже не сохранила, вдовствующей императрицей Цзясянь и ввел её поминальную табличку в Храм Предков.

Чиновники, ведавшие законами, мигом уловили волю государя и подобострастно отменили древние запреты, запрещавшие делать наложниц законными женами. Тай-цзу, узнав об этом, был крайне доволен и щедро наградил законотворцев.

Несмотря на это, в народе подобные случаи оставались редкостью. Чиновники и титулованная знать слишком дорожили репутацией, и те, кто решался на такой шаг, были единичны как рога единорога.

Хэ Наньфэн после смерти жены вполне мог взять в дом молодую госпожу из приличной семьи — ранг хоу это позволял. Но он, пренебрегая косыми взглядами, настоял на Вань-ши и даже лично отправился просить согласия у родителей своей покойной супруги — старого генерала Яня и его жены.

Закон хоть и разрешал возвышение наложницы, но ставил суровое условие: необходимо было получить благословение родителей покойной законной жены.

Можно сказать, что Хэ Наньфэн питал к Вань Шуэр самую настоящую, искреннюю любовь.

Поэтому сейчас Хэ Гу, глядя на взбешенного отца и избитую мачеху, не чувствовал особого торжества. Он лишь безучастно наблюдал со стороны, находя ситуацию горько-ироничной.

«Эту женщину старик Хэ выбрал себе сам».

Вань Шуэр казалась совершенно раздавленной. Она долго сидела, прижимая ладонь к щеке, прежде чем наконец подняла глаза на Хэ Наньфэна. На этот раз её слезы были настоящими.

— Хоу... вы ударили меня? — продрожавшим голосом произнесла она. — Всё, что я делала, было ради процветания поместья Чанъян и вашего благополучия! Мои родители давно умерли, в этом мире вы — моя единственная опора. Я сама принадлежу вам без остатка. Зачем мне присваивать чужое приданое? Какая мне в этом польза?

— Оставь эти басни, — холодно отрезал Хэ Наньфэн. — И не смей поминать своих родителей. Именно из жалости к твоему сиротству я все эти годы оберегал и баловал тебя. И чем ты отплатила? Если бы ты действительно думала обо мне, ты бы не посмела впутаться в такое грязное дело. Кража приданого — это позор! Если весть об этом разлетится по Бяньцзину, над нашим домом будут смеяться все знатные семьи. Кто после этого согласится отдать свою дочь в наш род? На каких приличных невест смогут рассчитывать Гу-эр и Чэн-эр?

Едва он замолчал, как послышались шаги: это вернулся Чжэнъе со счетоводами и управляющими. Среди них лишь управляющий Ван был привычен к покоям госпожи,

остальные же впервые переступили порог внутренних покоев и дрожали от страха, не понимая, в чем провинились.

Но стоило им войти, как даже управляющий Ван остолбенел.

Хозяйка дома с растрепанными волосами и багровым следом пяти пальцев на нежной щеке рыдала, припав к ногам старого хоу.

Слуги никак не ожидали увидеть такую картину. Хэ Гу, не давая им опомниться, сразу перешел в наступление:

— Вы, негодяи, посмели присвоить приданое покойной госпожи! Это прямое нарушение закона. Таких слуг-предателей следует немедленно отправить к префекту столицы, всыпать по тридцать палок, продать в рабство и сослать за три тысячи ли!

Все они знали молодого господина Хэ и понимали, что он — будущий хозяин поместья. Услышав такие страшные угрозы, счетоводы рухнули на колени, ломая лоб об пол и заходясь в криках о «невиновности» и «напраслине».

Хэ Гу, не давая им времени сговориться, пока они были до смерти напуганы, в лоб спросил: куда делись лавки и поместья из приданого госпожи Янь?

Пока управляющий Ван косил глазами на Вань Шуэр, не смея вымолвить ни слова, остальные наперебой выложили всё как на духу. Имущество действительно было под началом мачехи, а некоторые лавки она и вовсе продала, так как из-за её неумелого управления те приносили лишь убытки.

Ярость Хэ Наньфэна не знала границ. Он посмотрел на рыдающую Вань Шуэр:

— Теперь, когда доказательства налицо, что ты скажешь? Я слишком избаловал тебя за эти годы, вот ты и забыла о приличиях... Это моя вина.

Когда Хэ Наньфэн произносил последние слова, взгляд его был пустым, словно он смотрел в никуда. Вань Шуэр стало страшно — она не знала, какая кара её ждет.

— Хоу! — вскрикнула она.

В этот момент Хэ Чэн, который всё это время подслушивал за углом, не выдержал и ворвался в зал. Он повалился на колени перед отцом:

— Мама совершила ошибку, она была ослеплена жадностью! Но я молю вас, отец, ради всех тех лет, что она преданно служила вам, не отдавайте её под суд!

Затем он повернулся к Хэ Гу и отвесил земной поклон ему:

— Мама виновата перед братом и сестрой. Всё, что она задолжала вам, я обязательно верну сам в будущем! Прошу, брат, не дай отцу отправить её к чиновникам, иначе... иначе...

Он не договорил, но все поняли. Приданое жены — это её неприкосновенная собственность. Если мачеху-преемницу уличат в краже и отдадут под суд, по закону её могут лишить статуса, превратить в рабыню или даже отправить в казенные дома терпимости.

Хэ Наньфэн и Хэ Гу одновременно замерли:

— Под суд?

Никто из них и не думал отдавать её властям.

Логика Хэ Чэна была проста: раз совершено преступление, кара за него — суд. Но, будучи сыном, он не мог смотреть на позор матери безучастно. Он и не догадывался, что старый хоу никогда не допустил бы такого позора для матери своего сына.

— Кто позволил тебе войти? — нахмурился отец. — Тебе здесь слова не давали. Пошел прочь!

Хэ Чэн не двигался, лишь продолжал биться лбом о пол.

Хэ Гу вздохнул. За две жизни он понял, что Хэ Чэн — парень неплохой, просто ему не повезло родиться от Вань Шуэр.

Хэ Гу помнил, как много лет назад его родители сильно повздорили и долго не разговаривали. В порыве гнева мать сама сосватала отцу Вань Шуэр в наложницы. Позже они помирились, и мать забеременела, но к тому моменту и Вань-ши уже понесла. Мать мучилась от обиды на саму себя и на мужа, её беременность была тяжелой, и в итоге рожденный ею сын умер на второй день жизни.

По иронии судьбы, Хэ Чэн и тот несчастный младенец родились в один день и в одну ночь. Ребенок законной жены не выжил, а сын наложницы вырос крепким. Из-за этого совпадения Хэ Гу в прошлой жизни всегда чувствовал к брату инстинктивное отвращение.

...До того самого момента, как Хэ Гу оказался в тюрьме. Тогда Хэ Чэн, рискуя всем, три дня бил в барабан у дворцовых ворот, моля о помиловании брата. Он лишь разозлил нового императора, лишился чинов и сам угодил в застенки. Братья встретились в кандалах, и на этом история рода Хэ бесславно закончилась.

Хэ Гу посмотрел на своего наивного брата и негромко сказал:

— Я не просил отца отдавать её под суд. Если матушка Вань вернет всё приданое моей матери, я не стану преследовать её дальше.

Но из-за рыданий Вань Шуэр не услышала его слов. Испуганная упоминанием суда, она вцепилась в ноги мужа:

— Хоу... ради того, что я родила вам детей, не отдавайте меня властям! Я не хочу под суд!

Хэ Наньфэн хранил молчание. Видя это, женщина кинулась к Хэ Гу:

— Гу-эр! Приданое твоей матери... я лишь хранила его для тебя, пока ты был мал! Я всё верну! Только не дай отцу судить меня, я ни в чем не виновата!

Хэ Гу поморщился.

— Раз вы не виноваты, тем более стоит пойти в суд. Пусть префект во всем разберется, и тогда вы сможете обвинить меня в клевете и непочтении к родителям.

Вань Шуэр вдруг отчаянно выкрикнула:

— Хотя бы ради глаза твоего брата! Он ведь ослеп, только чтобы ты получил титул...

Лицо Хэ Наньфэна изменилось:

— Замолчи! — рявкнул он.

Хэ Гу замер, не понимая, что это за новая сцена в их семейной драме, но в этот момент в зал вбежал слуга и рухнул на колени.

— Хо... Хоу! Из дво... дво-дво-дво...

Он заикался так сильно, что не мог выговорить ни слова.

— Вон! — прикрикнул всё еще разгневанный отец. — Кто тебя впустил?!

Но слуга наконец выдохнул:

— Из дворца приехал евнух Ван с указом! Он ждет в чайной комнате в переднем дворе!

<http://bllate.org/book/15879/1617153>